

Той ночью мне приснился сон... Я снова вступил в готическую залу. Но только теперь она была больше, потолок выше, и все помещение напоминало церковь из моего детства. К двум каменным колоннам привязано по нагой девушке, одна стоит передом, другая — спиной ко мне. Я понимаю, что они обе мертвы, однако еще не успели остыть. Тела их в самых привлекательных местах пронзены бесчисленными трехгранными стилетами. Вокруг каждой ранки проступает немного крови. Попробовав пальцем, я заключаю, что кровь только-только начинает сворачиваться.

Я облизываю палец. Кровь сладковата на вкус. Напоминает фруктовый сок. В это мгновение я обнаруживаю, что перед стрельчатым окном с люминисцирующим стеклом стоит еще одна женщина. Она облачена в великолепный, со множеством складок наряд, словно мадонна эпохи возрождения. Она восседает на троне и величественно простирает перед собой руки. У нее лицо Клэр. Она нежно мне улыбается, однако улыбка ее далека и загадочна. По мере приближения к ней я замечаю, что она удаляется. Проснувшись, я улыбнулся при мысли о сне такого аллегорического характера и таком бессмысленном. Тем не менее мне подумалось, что я вправе ожидать визита Клэр, хотя вчера вечером она ни слов об этом не произнесла.

Когда вскоре в дверь позвонили, я сразу понял, что это она. Приведя себя в порядок и накинув поверх пижамы шлафрок, я пошел открывать. Клэр была бледна и слегка растеряна. Это была красота дикого зверя, попавшего в капкан.

— День добрый, — сказал я. — Как поживает ваша подруга?

На сей раз она не спросила, какую подругу я имею в виду. С Энн все было в порядке. Вечер утомил ее, и сейчас она еще спала. Клэр ухаживала за ней, как мать, так что через несколько дней от вчерашнего и следа не останется. Только на груди, в том месте, где оказалась рассечена кожа, может быть, останется сверкающая полоска.

— Очень жаль...

— Напротив, — сказала она. — Будет очень красиво... Голос ее звучал нежно, на лице отражалась беспомощность. Она не отваживалась посмотреть на меня. Мы все еще стояли в прихожей, и я не знал, чего она ждет.

— А вы сами, — сказал я. — Как вы поживаете? Она подняла на меня взгляд широко открытых глаз. Но сразу потупилась.

— Я пришла.

— Превосходно, — сказал я. — Следуйте за мной.

Когда мы оказались в спальне, я село в кресло и осмотрел ее, стоящую возле постели в плиссированной юбке и белой сорочке. И я отдал тот самый приказ.

— Раздевайся!

Клэр замешкалась лишь на какую-то долю секунды. Опустившись передо мной на колени на коврик из овечьей шкуры, она стала одну вещь за другой, согласно ритуалу, снимать с себя одежду. Белье на ней оказалось то же, что было в свое время на натурщице. Никаких трусиков. Раздевшись передо мной донага, она пошире расставила колени и подняла над головой руки. Я оставил ее стоять в этой позе несколько минут.

— Посмотри на меня! — Она снова подняла глаза.

— Тебе нравится стоять на коленях?

Она утвердительно кивнула и пробормотала:

— Я принадлежу вам, вы можете делать со мной все, что пожелаете...

— Хорошо, — ответил я. — Пойди и ляг на постель. Она легла на сбитые простыни.

— Раздвинь ноги!... Руки за спину!... Открой рот!... Она безропотно исполняла приказы. Я поднялся, снял шлафрок и прилег рядом. Одну ладонь я подложил ей на затылок.

— Тебя когда-нибудь били?

Она дала понять, что нет, и глаза ее почернели от страха.

— Что ж, тогда я буду первым.

Я вlepил ей пощечину, сперва по правой щеке, потом — по левой, раз, другой. Я долго смотрел на нее, после чего сказал, что она красива. Ладонь скользнула к паху, и я воткнул большой палец прямо ей в промежность... Какой же влажной она была... Лаская, я целовал ее. Потом я приподнялся на локте и снова ударил ее гораздо сильнее раз пять или шесть.

— Скажи: я вас люблю, — велел я.

Она повторила «Я вас люблю» и добавила, что отныне она моя раба и я могу забить ее до смерти, если мне так нравится. Я долго и целенаправленно ласкал ее груди и промежность. Потом приказал облизать мне пальцы. Когда я вторгся в нее по-настоящему, она сразу закричала, стала называть по имени и все повторяла, что любит меня